

СОЛЕЙМАНЪ И СОВА.

—
Велемудрый Солейманъ славился у правовѣрныхъ въ особенности тѣмъ, что былъ необычайный чтиль и поклонникъ женщинъ, и зналъ тайну разговаривать со всѣми животными, въ особенности же съ птицами. Конь о четырехъ ногахъ, да спотыкается: не смотря на премудрость свою, Солейманъ — благословенной памяти — даваль промахи, и вотъ, между прочимъ одинъ, который крайне утѣшалъ базарную толпу, слушавшую однажды рассказы восточного острослова.

Одна изъ красавицъ Солеймана, включенного въ число двадцати—осыми учителей ислама, потѣшалась неограниченною властію своею надъ мудрецомъ, потѣшалась и проказила тѣмъ болѣе, что преходящая власть ея держалась на волоскѣ, которому имя было «прихоть Солеймана»; — не сегодня, такъ завтра красавица ожидала себѣ, по общему порядку вещей, смѣны. Она потребовала

отъ вѣрноподданнаго ей царя, чтобы онъ построилъ ей костяныя палаты; и Солейманъ немедленно созвалъ всѣхъ птицъ вселенной, приказалъ имъ сносить въ кучу всѣ кости, мослы и косточки цѣлаго обширнаго царства. Въ этой мѣрѣ легко узнатъ благоразуміе и мудрость Солеймана: онъ не хотѣлъ обременять пустымъ дѣломъ подданныхъ своихъ, и отрядилъ на службу подвластныхъ ему птахъ и пичугъ.

Всѣ птицы повиновались безпрекословно, — и Солейманъ, сидя съ возлюбленною своею на бархатномъ одрѣ, любовался въ цвѣтныя стекла палатъ своихъ на поспѣшную работу: птицы, птички, птахи и пичужки всѣхъ родовъ, величинъ и цвѣтовъ, стекались отовсюду съ крикомъ, гарканьемъ и щебетаньемъ, и роняли собранныя кости въ кучу. Тутъ галки и вороны, какъ истинные тунеядцы, подлетали и подпрыгивали, долбили черными носами косточки вправо и влѣво, и поживлялись то оставшимся волоконцемъ мясца, то мозжечкомъ, то хрящикомъ; тутъ беркуть, коршунъ, соколь и кречеть, подъ

видомъ работы, выхватывали съ налету куропаточку, тетерку, перепелочку, и обглодавъ ее чинно кругомъ, приносили на мѣсто складки косточки ея; словомъ, дѣло шло своимъ чередомъ и порядкомъ, и Солейманъ былъ крайне доволенъ успѣхомъ — удивлялся однако-же, что не видить на работѣ ни одной совы. Немедленно отправилъ онъ нарочнаго, кажется, разговорчиваго скворца, велѣвъ найти и позвать ослушную лѣнтяйку. Скворецъ нашелъ сову въ дуплѣ, посидѣль передъ нею, повралъ, поболталъ, перекорчилъ и передразнилъ все честное общество пернатыхъ, кривляясь и картавя и поддѣльваясь подъ стать и ладъ всякаго; — но этимъ совушки не заманилъ; она плонула на дурака и осталась въ дуплѣ. И другой посолъ, дятель, успѣль не болѣе первого; сколько онъ ни лазиль вокругъ дупла, сколько ни долбилъ и постукивалъ роговымъ носомъ своимъ въ дерево со всѣхъ сторонъ, сова просидѣла, не оглядываясь, не удостоивъ даже этой мартышки между птицами отвѣта. Тогда

Солейманъ разсердился нешутя, и нахальный коршунъ вызвался представить сову на расправу. Скворецъ и дятель были приданы ему вожаками; совушку отыскали, вытащили изъ дупла и представили Солейману. Это была сова, извѣстная въ средней Азіи подъ именемъ *Байгузъ*; маленькая, крохотная, тщедушная, худенькая. Солейманъ хотѣлъ казнить ее немедленно за дерзкое ослушаніе. «Постой,» сказала совушка, «всякой на твоемъ мѣстѣ могъ бы меня казнить: но если ты премудрый владыка, то выслушай меня прежде, а потомъ, коли разсудишь, казни. Дозволь мнѣ сдѣлать тебѣ три вопроса; ими объясню я тебѣ все дѣло: ты знаешь все, и конечно не призадумаешься въ отвѣтѣ. Вопервыхъ, какъ ты думаешь — чего болѣе на поверхности земли нашей: горъ или равнинъ?»

— Конечно равнинъ болѣе, — отвѣчалъ премудрый Солейманъ.

«Нѣть,» возразила совушка, «ты ошибаешься. Возьми уровень въ руки и пройдися съ нимъ куда хочешь, — и ты

увидишь, что всюду, гдѣ—бы ты ни стояль, куда—бы ни шель, всегда идешь или подъ гору, или въ гору. Теперь скажи мнѣ, что выше стоять, земля или вода?»

— Безсомнѣнія, земля, — сказалъ пророкъ.

«Опять не такъ,» отвѣчала, помотавъ головкою, сова Байгузъ. «Вода падаетъ съ неба; слѣдовательно, она и выше земли. И такъ, премудрый, ты видишь, что и ты обшибаться можешь; дай—же мнѣ сдѣлать теперь послѣдній вопросъ, и я смиленно и покорно замолчу и положу голову свою на плаху. Чего болѣе на свѣтѣ: мушинъ или женшинъ?»

— Мушинъ, — отвѣчалъ Солейманъ; — всѣмъ извѣстно, что ихъ родится числомъ поболѣе, чѣмъ женшинъ.

«Нѣть, великий и премудрый владыка,» молвила совушка вполголоса, «и это не такъ. Женшинъ болѣе потому, что и тѣ мужчины бабы, которые слушаются бабъ.»

Здѣсь хохотъ народа заглушилъ послѣднія слова раскащика; никто не дослушалъ, что говорилъ онъ далѣе, а я,

ВОСТОЧНЫЯ ПРИТЧИ И СКАЗКИ.

**какъ мнѣ показалось довольно и этого,
рассказалъ и вамъ то, что слышалъ.**

=====